
Мира Вишес
КАК СПАСТИСЬ ОТ ФЕИ

Мира Вишес

Как спастись от феи

«Автор»
2026

Вишес М.

Как спастись от феи / М. Вишес — «Автор», 2026

Что делать, если ты похитил фею для ритуала, а она захватила твой замок и отказывается уходить? Мягко говоря, неловко вышло. Я, владыка тьмы и некромант в тринадцатом поколении, могу поднять армию мертвых! Но понятия не имею, как быть с тем, что мой гардероб перешили, кабинет превратили в оранжерею, а всюду пляшут жизнерадостные скелеты. Помогите...

© Вишес М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 13
Глава 4 16
Глава 5 20
Глава 6 24
Глава 7 27
Глава 8 31
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Мира Вишес
Как спастись от феи

Глава 1

Рия

В замок я влетела быстрее, чем светлячок. Хлопнула дверью – не со зла, просто от волнения – и привалилась к ней спиной, переводя дух. Сердце колотилось глубоко в горле, губы по-прежнему горели.

Скелеты стояли кучкой в холле и явно не знали, куда себя деть. Костяшкин замер с протянутой рукой, Кроха опирался о цветочную вазу. Глыба пытался слиться со стеной, что при его габаритах было безнадежной затеей. Бряк судорожно собирал с пола уроненный букет, благо вазу не разбил. Вертун перестал вертеться, а Скрипуля – скрипеть. Чистяк пристроил тряпку на собственном затылке, Бульончик держал половник на манер шпаги, словно тот мог защитить от некромантского гнева.

– Всё в порядке, ребята, – уверила я, отлепляясь от двери. – Расслабьтесь.

Скелеты, наоборот, напряглись сильнее, Костяшкин вопросительно склонил череп набок. Мол, что случилось-то? Почему ты убежала, а хозяин остался в склепе, и почему у тебя такое лицо?

– Ладно, не расслабляйтесь, – вошла я в их положение. – Соберитесь. У нас куча работы.

Они переглянулись, то есть повернули черепа друг к другу. Ну хоть прекратили изображать костяные статуи…

– За мной, – скомандовала я и направилась к лестнице. – В постирочную.

По дороге мысли скакали, как кузнечики, которых мы с Эларой и Тианой ловили в Оазисе: поймаешь, а они из ладоней – прыг, и дальше по своим делам. Только мои мысли не были такими безобидными. Они кусались.

Малфи хотел отправить меня обратно. В Оазис. К феям. «Домой»!

Конечно, в первые дни я лишь об этом и мечтала… Выбраться из мрачного замка, вернуться в домик-колокольчик, к подружкам, наставнице Иллианте и свиткам с заклинаниями третьего круга. К теплой земле под босыми ногами и солнцу, которое никогда не заходит.

Но это было давно. Целых девять – я посчитала! – дней назад. А теперь… У меня одежда не глажена, ремонт в замке даже не начат. Из деревни скоро привезут свежую еду – я же договорилась. Надо будет готовить ужин. И завтрак. И обед. А кто, кроме меня, позаботится о том, чтобы некромант высыпался? Кто разберет его почту и налепит цветные квадратики? Кто проследит, чтобы он не ходил сутулым и не ел ужасную кашу, которую варил Бульончик до моего появления?

Нет, возвращаться сейчас – решительно не вариант.

И вообще! Как Малфи мог со мной так поступить? Сначала целовать – до сих пор коленки подрагивали и бабочки порхали в животе, – а потом выпроваживать? Это, знаете ли, ни в какие ворота. Форменное безобразие. Выдворение против воли не менее вредно, чем удержание. Вот.

В постирочной висели владыческие вещи – балахоны, рубашки, штаны и прочее. Все черные, одинаковые и до скрипа выстиранные чудесным порошком, который я наколдовала из мыльной травы и лепестков. Высохли уже.

Я сняла с полки утюг – чугунный, с деревянной ручкой, найденный в кладовке. Тяжеленный, но ничего, феи – существа выносливые.

– Костяшкин, будешь подавать, – распорядилась я. – Глыба, складывай готовое. Кроха, следи, чтобы ничего не помялось. Остальные помогайте по мере сил.

Скелеты засуетились. Костяшкин сдернул с сушилки первую рубашку и протянул мне. Я разложила ее на старой, скрипучей, но вполне пригодной гладильной доске и принялась за дело.

Пар поднимался к потолку, утюг скользил по ткани, разглаживая складки. Хоть Малфи и вредный некромант, он всё равно мой, а у моего некроманта одежда должна быть красивая. И сам некромант тоже красивый.

Я отставила утюг и призвала магию. Тонкие нити паутинного шелка вплелись в рубашку. Серебристые узоры ложились по вороту и манжетам – неброско, но изысканно. Ткань становилась мягче и приятнее на ощупь, в ней появлялся отлив, делая простую черную вещь изысканной.

– Вот! – Я встряхнула рубашку. – Совсем другое дело.

Костяшкин одобрительно клацнул челюстью и подал штаны. Мы работали споро: я гладила и колдовала, скелеты подавали и складывали. Стопка росла на глазах. Все вещи до единой получили свою порцию серебристых узоров и волшебной мягкости.

К тому моменту, как последний балахон был отглажен и украшен, я чувствовала себя выжатой, но довольной. Магии потратила изрядно, зато результат того стоил.

– Отнесите всё в спальню Малфи, – велела я скелетам. – Разложите в шкафу. Аккуратно.

Глыба подхватил стопку рубашек и важно понес к выходу. Кроха семенил следом, поддерживая сбоку, чтобы ничего не падало. Костяшкин замыкал процессию с начальственным видом. А ко мне подскочил Вертун и завертелся на месте, указывая то на окно, то на дверь, то на лестницу.

– Что такое? – не поняла я.

Он закружился быстрее, тыкая пальцем в сторону кухни. Затем изобразил, как кто-то едет на телеге, размахивая кнутом.

– Поставки из деревни! – осенило меня.

Вертун энергично закивал. Я выглянула в окно – и правда, к воротам замка подъезжала знакомая телега. На этот раз женщина в ней была одна, но в сопровождении двух мужиков – крепких и бородатых, в подпоясанных рубахах.

Я заметалась. Выходить в своем платье к деревенским было нельзя, они же меня в прошлый раз в сером видели, скромную такую помощницу. А если увидят в этом, возникнут ненужные вопросы.

Взгляд упал на стопку еще не унесенных балахонов. Я схватила верхний и натянула на себя. Ткань упала до пят, рукава закрыли пальцы. Капюшон я накинула на голову, пряча сиреневые волосы. Переобуваться было некогда, но туфельки из паутинного шелка под длинным балахоном толком не разглядишь.

Я выскочила на крыльцо. Телега уже стояла у ступеней. Румяная женщина, с которой мы вчера беседовали о поставках, спрыгнула на землю.

– Здрасте-здрасте, – заговорила она, поправляя платок. – Привезли яйца, молоко, творог и зелень. Овощи кое-какие: картошку, морковку, лук репчатый, тыкву. И мяса!

Она махнула мужикам, и те начали сгружать ящики и корзины на крыльцо. Я затеяла ревизию. Яйца – крупные, белые и теплые, наверняка только из-под кур. Творог в тряпице. Зелень: петрушка, укроп, кинза и зеленый лук. Сочная, еще утром росла на грядке.

– Загляденье, – выдохнула я, забывшись.

Женщина покосилась на меня с любопытством. Логично… Стоит на крыльце замка некроманта «пигалица» в огромном балахоне.

– А ты ж помощница владыки? – уточнила она.

– Та самая, – подтвердила я, стараясь говорить солидно. – Всё правильно привезли, спасибо.

– Так мы теперь каждые три дня будем приезжать, как уговорено, – продолжала женщина. – Ежели чего надобно будет – скажи, доставим.

– Скажу, – пообещала я. – Обязательно.

И тут дверь за моей спиной распахнулась. Было очевидно, кто это. По тому, как вытянулись лица деревенских. Мужики замерли с ящиком в руках, румяная женщина приоткрыла рот.

– Что здесь происходит? – раздался сердитый голос Малфи.

Я обернулась. Он стоял в дверях – в том же костюме, который я соткала. Черно-синем, с серебряными узорами. Волосы, правда, растрепаны, и на подбородке наметилась щетина. Чуть-чуть, но всё-таки.

– Ваша помощница договорилась, владыка, – поклонилась женщина. – О регулярных поставках еды в замок.

Малфи перевел взгляд на меня. Я стояла в его балахоне, с капюшоном, надвинутым на самые глаза, и делала вид, что ничего особенного не происходит.

– Риэль, – произнес он медленно. – Ты ничего не хочешь мне сказать?

– Ой, точно, – отозвалась я бодро. – Оплати, пожалуйста.

И, пройдя к двери, крикнула:

– Ребята-приспешники, заносите ящики на кухню!

Скелеты высыпались из замка. Костяшкин подхватил корзину с яйцами, Глыба взвалил на плечо ящик с тыквой и картошкой. Кроха ухватил узелок с зеленью и побежал впереди всех, размахивая им, как флагом. Бряк подобрал крынку с молоком и понес, прижимая к груди и что-то ласково нашептывая – наверное, обещал не разлить.

Я ринулась за ними, оставив мрачного Малфи расплачиваться с деревенскими. На кухне сразу закипела работа. Скелеты распаковывали ящики и раскладывали продукты по полкам, Бульончик руководил процессом.

Скинув капюшон, я взялась перебирать зелень. Петрушка – свежайшая, листики упругие, пахнут летом. Укроп – пушистый и ароматный. Кинза – на любителя, но в суп сгодится. Зеленый лук – длинный, пышный, так и просится в салат.

За спиной послышались тяжелые и размеренные шаги. Затем угрюмое:

– Нам надо поговорить.

– Я занята, – сообщила я гордо, перекладывая петрушку на разделочную доску.

– Чем именно ты занята? – осведомился Малфи.

– Готовлюсь готовить ужин.

– И это мешает тебе говорить?

– Нет. – Я повернулась к нему лицом. – Мне мешает то, что я обиделась.

– На что?.. – опешил он.

– Ты хотел от меня избавиться.

Малфи низко и протяжно застонал.

– Не избавиться, а отпустить, – проговорил он, сжимая и разжимая кулаки. – Разве ты не этого хотела?!

– Неважно. – Я стала яростно отрывать веточки от пучка укропа. – Сейчас я хочу приготовить ужин. Приходи в восемь.

Малфи закатил глаза и начал считать. Я уже знала эту его привычку.

– Один… два… три…

Я достала из тумбы ритуальный кинжал с изогнутым лезвием и рукоятью, усыпанной драгоценными камнями.

– Четыре… Пять… – Некромант сбился, уставившись на кинжал.

– Шесть, – подсказала я и принялась резать зелень.

Лезвие мелькало в воздухе, петрушка и укроп ложились на доску ровными горками. Малфи стиснул зубы так, что желваки заходили на скулах.

– Ты что-то еще хотел? – поинтересовалась я. – Какой-то срочный вопрос?

Он смотрел на меня. На сиреневые волосы, которые выбились из-под капюшона и рассыпались по плечам. На балахон, который висел на мне, как на вешалке, и волочился по полу. На мои ноги в туфельках, торчащие из-под подола.

– Я хотел бы знать, – произнес Малфи медленно, – где моя одежда.

– В твоей спальне, – ответила я, не отрываясь от нарезки. – Постиранная и выглаженная. Я нашла утюг и всё перегладила.

– А это? – Он указал на меня. В смысле, на балахон.

Я опустила взгляд, будто только что заметила, во что одета.

– А, это! В нем я выходила встречать деревенских, чтобы не светить своим платьем. Тебе не нравится, что я ношу твои вещи?

– Мне не жалко. Но что это за… узоры такие? Ты же для себя сделала, да?

– Конечно, для тебя. Отдать?

Я отложила кинжал, ухватилась за балахон и потянула вверх через голову. Он зацепился за что-то – то ли за волосы, то ли за уши, то ли за мою неуклюжесть.

– Секундочку, – пробормотала я, путаясь в ткани.

Дернула сильнее, высвобождаясь. Когда наконец стащила его и проморгалась… Малфи на кухне не было. Лишь Бульончик переставлял кастрюли с места на место, создавая видимость бурной деятельности.

Я пожала плечами, надела балахон обратно – в конце концов, он уютный и пахнет цветочным порошком – и вернулась к нарезке зелени.

Да уж, некроманты крайне непостоянные личности. По крайней мере, этот. То пристает с вопросами, то исчезает… То фея ему нужна, то вдруг – отправляйся в Оазис. Очень сложно с таким иметь дело.

Как хорошо, что меня не пугают трудности!

Глава 2

Готовить из свежих деревенских продуктов оказалось приятно. Не то чтобы я всегда готовила из несвежих… Но в Оазисе не имелось яиц, еще хранящих тепло чужого пуха, и творога, который пахнет утром, туманом над лугом и чьими-то заботливыми руками. Тыква была оранжевая и ребристая, с засохшим усиком на макушке. Зелень благоухала так, что у меня кружилась голова, картошка лежала в ящике, присыпанная душистой землей.

Бульончик в белоснежном кителе и колпаке перебирал костяными пальцами край фартука – ждал указаний. Пожалуй, на ужин у нас будет тыква, фаршированная рисом, травами и овощами…

Я разрезала ее пополам и вычистила семечки. Пока варился рис, занялась начинкой: смешала лук, морковь, сладкий перец и чеснок. Всё это шкворчало на сковороде, а скелеты сновали по кухне, но делали вид, что очень заняты.

– Костяшкин, – сказала я, не оборачиваясь, – думаешь, я не заметила, что ты уронил палец в кастрюлю? А я заметила.

Послышались торопливый плеск и удаляющиеся шаги. Молодец, как уронил, так и достал!

Едва рис сварился, я добавила к нему овощей и нарезанной зелени. Выложила получившуюся смесь в тыквенную половинку и отправила в печь. Пусть запекается до золотистой корочки.

Теперь основное блюдо. Курица! Не столетней давности, как прошлая, а пухлая, мягкая, с желтоватой кожей.

– Прости. – Я погладила ее по грудке. – Обещаю приготовить тебя очень вкусно.

Разумеется, она не ответила. Я натерла ее специями и уложила в глубокий противень. Вокруг разложила картофель дольками, морковь кружочками и несколько целых зубчиков чеснока. Плеснула воды, прикрыла пергаментом (нашла в кладовке, старый, но годный) и отправила в печь к тыкве. Остатки зелени и овощей пошли в салат, заправленный сметаной. М-м-м, объедение…

Из оставшейся половинки тыквы я решила сварить суп на завтра. Бросила мякоть в кастрюлю с луком и морковью, залила водой. Потом добавила сливок, соль, щепотку мускатного ореха. Попробовала и зажмурилась. Это было… Ну, как если бы осень сама решила стать супом!

Последний этап: еда для Малфи на ночную работу. Бутерброды – это, конечно, мило, но он владыка тьмы и повелитель нежити. Ему нужно что-то солидное. Что-то, что можно достать из кармана и съесть с достоинством, даже если вокруг толпятся голодные зомби. Например, пирожки с мясом.

Тесто я замесила пышное и мягкое, куриное мясо мелко нашинковала, снабдила жареным луком, зеленью и каплей бульона для сочности. Вылепила пирожки – ровные, как на подбор, с ажурными защипами. Смазала яйцом и отправила в печь, та еще не остыла после тыквы и курицы.

По итогу в раковине высилась гора тарелок, мисок, ложек, кастрюль и сковородок. Грязных. Ох… Впрочем, я была даже рада. Пока руки заняты, в голове меньше мыслей. А у меня там творилось такое, что ой.

Насыпав мыльной травы на губку, я принялась тереть тарелки. Терла с такой яростью, что они скрипели, как Скрипуля в плохой день. На губах до сих пор ощущался вкус поцелуя. Я облизывала их – он возвращался. Я пила воду – он оставался. Словно Малфи впечатал его туда

своей некромантской магией, и теперь тот жил отдельной жизнью – теплый, немного горьковатый, с оттенком полыни и дыма…

Я не понимала, что чувствую. Радость? Да! Поцелуй – это оказалось волшебно даже для феи. Негодование? О да, целое море. Как он посмел сначала целовать, а затем делать вид, что ничего не было?!

Бульончик, наблюдавший за мной с безопасного расстояния, подошел и успокаивающе погладил по плечу.

– Спасибо, друг. – Я шмыгнула носом. – Просто я… запуталась.

Он кивнул – мол, понимаю, сам не знаю, зачем живу, но живу же. И это была та самая мудрость, что мне сейчас требовалась.

Я домыла посуду и прибралась. Кухня сияла чистотой, пирожки лежали в корзинке, укрытые чистым полотенцем, суп остывал в кастрюле, а тыква и курица ждали, когда же их съедят. Время – половина восьмого, до ужина полчаса.

И тут я поймала свое отражение в начищенном боку кастрюли. Она, надо сказать, была надраена до зеркального блеска – Чистяк постарался. И в этом блеске я узрела…

Ужас.

Нет, не так. Ужас!..

Балахон Малфи висел на мне, как на огородном пугале. Щеки перемазаны, волосы торчат в разные стороны, а цветы в них увядшие и поникшие. Я представила, как придет Малфи, сядет за стол и увидит, что здесь всё красивое, кроме меня. Так категорически нельзя.

– Ребята, накрывайте на стол! – крикнула я в коридор. – Свечи зажгите, тарелки расставьте, салфетки поправьте. Костяшкин, проследи, чтобы вилки лежали зубцами вверх, а не как в прошлый раз. Бряк, не урони тыкву. И помните: вы лучшие!

Скелеты засуетились, а я рванула на второй этаж в свою комнату. Бежала так, что светлячки разлетались в стороны. В спальне я первым делом стащила с себя балахон, он упал на пол бесформенной кучей. Пожалуй, и мои чувства нынче – бесформенная куча, в которой ничего не разобрать…

Я расправила на себе платье из паутинного шелка – оно послушно заструилось и заиграло кремовыми переливами. Провела ладонями по бокам, огладила, чтобы сидело идеально. Далее – прическа. Едва волосы легли сиреневыми волнами, я призвала магию. В прядях тотчас распустились новые цветы – нежно-розовые пионы, фиолетовые лилии и голубые колокольчики. Поправив цветок над ухом, я повертелась перед зеркалом.

Красивая.

Интересно, а Малфи тоже считает, что я красивая?..

Ну конечно, считает… Иначе не поцеловал бы! Наставница Иллианта говорила: «Люди целуют только тех, кто им очень нравится. Это как выбрать самый прелестный цветок на поляне. Не потому, что он чем-то лучше других, а потому, что именно на него упал твой взгляд и уже не может оторваться».

Малфи на меня так и смотрел в склепе. Не смог оторваться.

Я покраснела прямо перед зеркалом. Розовые пионы в волосах стали еще розовее, подстраиваясь под мой румянец.

Да уж. Да уж…

Некогда об этом думать! Скоро восемь, а у меня голодный некромант. Как я буду просить Малфи не опаздывать к ужину, если сама опоздаю? Это неправильно, это подрыв влияния.

Я выскочила в коридор. Туфельки мягко постукивали по полу, светлячки провожали меня мерцающим шлейфом. В столовую я влетела за минуту до восьми часов. Малфи уже сидел за столом – в обычных темных штанах и рубашке. Собранный и серьезный, с идеально прямой спиной. Зачесанные волосы, заметная щетина… Но она ему даже шла.

Надо же. Раньше пришел.

Скелеты постарались на совесть, накрыв на стол. Свечи, скатерть, тарелки… Правда, глубокие и мелкие перепутаны, вилки лежат с другой стороны, а салфетки свернуты кое-как. Но я не проконтролировала – сама виновата.

Я приблизилась к столу, стараясь ступать грациозно. Плавно опустилась на стул напротив Малфи, расправила юбку.

– Пахнет вкусно, – выдавил он после паузы.

– Готовить из деревенской еды – совсем другое дело, – отозвалась я непринужденно. – Теперь у нас всегда такая будет.

– Всегда?.. – в его голосе проклюнулись какие-то странные нотки.

– Ну да, я договорилась о поставках. Очень удобно.

Некромант сглотнул так, будто у него что-то застряло в горле. Снял крышку с блюда, и по столовой поплыли ароматы курицы с травами и печеной тыквы. Он потянул носом, и его лицо на мгновение утратило обычное мрачное выражение. Я наложила ему полную тарелку, а себе взяла поменьше.

Малфи ел с аппетитом, это было заметно по тому, как он брал добавку, макал хлеб в соус и прикрывал глаза. А доев, резко отложил вилку.

– Рия, нам все еще нужно кое-что обсудить.

Я набила рот так, что раздулись щеки. Сделала большие глаза – не могу говорить, жую.

– Почему ты отказалась возвращаться в Оазис?

Я продолжала жевать. Медленно. Очень медленно.

– То, что ты молчишь, не означает, что вопрос исчезнет, – заметил Малфи.

Проглотив, я вытерла губы салфеткой и напомнила:

– Отвечала уже на этот вопрос.

Он дернул щекой.

– Ты сам сказал, что я пробуду здесь месяц. А месяца не прошло.

Малфи опустил взгляд в тарелку и сказал тихо:

– Мне очень жаль.

Я внутренне возликовала. Ага! Понял, что зря хотел запихнуть меня в саркофаг. Раскаивается.

– Мне не следовало тебя похищать. Это было жестоко. Эгоистично. И я не имел на это ни малейшего права.

Я моргнула. Это было не совсем то, чего я ожидала, но всё равно прогресс.

– Конечно, похищать фей плохо, – согласилась я. – И не фей тоже. Раньше ведь ты такого не делал?

– Угу. – Малфи криво усмехнулся. – Неопытный похититель фей.

– Зато теперь опытный! – выпалила я и тут же прикусила язык.

Глупость. Какая глупость. Что я несу?

Он поднял на меня глаза. В них было что-то такое… непонятное. То ли смех, то ли боль.

– Я прошу прощения за то, что вытащил тебя из твоего мира и запер в замке, не предупредив об истинных намерениях. Это было недостойно.

– Давно простила. Ты не сделал мне ничего плохого. Ну, почти. А причина у тебя, наверное, была важная. Этот ритуал Воплощения… Ты ради него старался?

Малфи глубоко вздохнул – так, словно много лет нес на плечах нечто очень тяжелое.

– Никакие причины не оправдывают того, чтобы удерживать кого-либо против воли, – отрезал он.

– Но я уже не против, так что оправдания не нужны.

– Феям не место у людей. – Некромант покачал головой. – Тебе нужно вернуться в Оазис. К своим.

Я сердито отодвинула тарелку и поднялась со стула.

– Когда ты ставил ловушку на фею, рассуждал иначе. И когда целовал меня в склепе, явно думал не о том, что мне надо вернуться домой.

Малфи опять схватился за вилку. Сжал крепко, хотя его тарелка была безнадежно пуста.

– Да, я позволил себе лишнее, и за это тоже должен извиниться.

– За что извиниться? – недоуменно переспросила я. – За то, что я тебе нравлюсь?

Он поперхнулся воздухом. Покашлял. И заговорил, тщательно подбирая слова:

– Это было… неуместно. В нашей ситуации. Я не хотел тебя обидеть. Или… напугать.

– Ничего обидного в поцелуе не было, – горячо уверила я, – как и пугающего. Я не дурочка, чтобы вообразить, будто ты решил меня съесть.

– Понимаешь, Рия… – Малфи замялся. Его пальцы всё сильнее сжимали вилку. Наконец он выдохнул и произнес: – Мне пора собираться на работу.

Я хмыкнула и направилась к выходу из столовой, спиной чувствуя его жгучий взгляд. На пороге обернулась, бросила через плечо:

– Между прочим, я знаю, откуда берутся дети!

И вышла.

За спиной раздался звон. Кажется, вилка выпала из его рук, ударилась о тарелку, отлетев на пол, и всё это слилось в одну долгую звенящую ноту.

Пусть посчитает до ста, ну или докуда ему там надо… А я не собираюсь уходить из замка только потому, что меня вдруг решили отпустить.

Поздно, Малфи. Поздно проявлять благородство, когда у тебя на губах вкус нашего поцелуя, а в замке – мой порядок.

Глава 3

Малфегор

Я на редкость бессмысленно смотрел в удаляющуюся спину Рии. Вернее, не в спину – на летящий подол ее платья, который колыхался при каждом шаге. У него имелись собственные представления о гравитации!

Вилка лежала на полу. Я наклонился и поднял ее. Повертел в пальцах. Серебряная, с цветочным узором на ручке – из заказанного феей сервиза. На столе лежали остатки курицы и тыквы, в дверном проеме маячили скелеты и не знали, куда девать глазницы.

Так… Вперед, на работу. Нет, неправильно. Ура, на работу!

Я поднялся на второй этаж. Светильники на стенах сияли – ни чада, ни копоти, ни мрачного подмигивания, как полагается в приличном некромантском замке. В коридоре пахло лавандой. Там, где поколения Мортейнов ходили, оставляя за собой шлейф из запахов сырой земли, старых книг и легкой безысходности.

Спальня по-прежнему была мрачной и пыльной – единственное утешение за весь вечер. В шкафу рядом с костюмом висели балахоны: выглаженные и пахнущие цветочным лугом. На вороте и манжетах поблескивали серебряные узоры. Я схватил первый попавшийся и натянул на себя. Ткань легла мягко, почти ласково, и это бесило отдельно.

Тлен с ней, с одеждой. В западном лесу меня ждала стая вурдалаков, на коих нажаловались чудом унесшие оттуда ноги путники. Вот и славно. Вурдалаки – это просто и понятно. Для их уничтожения полынный порошок, чтобы очертить защитный круг, и настойка из корня мандрагоры. Мертвые твари не выносят ее паров, делаются дезориентированными и медлительными. Я точно помнил, что всё это лежало где-то на моем складе.

Стоило туда спуститься, как захотелось застонать в голос. Порядок! Идеальный и вылизанный. Шкафы сияли, полки лоснились, бутыли стояли ровными рядами, и на каждой – аккуратная подпись. «Склянки с ужасами», «Склянки с очень страшными ужасами», «Подозрительные зелья». И где полынный порошок?

Я начал рыться: открывал банки, нюхал, морщился и ставил обратно. Под «Склянками с ужасами» обнаружилась настойка из жабьей икры, под «Очень страшными ужасами» – экстракт болотной жижи. Полынный порошок нашелся на полке с надписью «Травяные штуки», а настойка мандрагоры – «Вонючее, но полезное».

Я стоял посреди этого царства ложной систематизации с жгучим желанием разнести всё к демонам. Допустим, у меня и раньше было тяжело что-либо отыскать… Но куда проще рыться в собственном бардаке, чем в чужом порядке!

– Чтоб тебя, – выдохнул я, запихивая добытое в сумку и покидая склад. – Чтоб меня. Чтоб всех…

Холл мгновенно окружил меня своей цветочно-кружевной мощью. Светлячки порхали безо всякого стеснения, занавески дергались от сквозняка, дерево в дверной арке явно собиралось поглотить замок целиком. Может, это аналог флага для захваченной территории? Воткнула цветочек – и всё, владения отходят под патронат Оазиса. Переезжать в склеп, очевидно, уже поздно, Рия и там достанет.

Хотел ведь отпустить, а она не уходит! Что это вообще за дела? Похищенные девы не должны так себя вести. Им положено рыдать, требовать свободы, предпринимать отчаянные попытки побега. Хотя это же фея… У нее и в голове, наверное, сплошные цветочки. Лепестки вместо мыслей, тычинки вместо логики, и всё это колышется на ветру фейского легкомыслия. Но к своей голове и ее содержимому у меня тоже вопросы. Если вернуть Рию в Оазис, не

напоив предварительно зельем забвения, она же расскажет обо всем старшим феям. Прилетит королева Мабэлла собственной величественной персоной и превратит меня в одуванчик.

Впрочем, разберусь. Знал, на что шел. То есть не совсем, но речь сейчас не о том!

Я вышел на крыльцо и вдохнул поглубже. Пахло ночной прохладой и кладбищенской землей. Родные запахи, успокаивающие.

Секунда, и за мной выбежал Костяшкин в черном костюме при галстуке, с выражением крайней почтительности на черепе. Он протянул мне перевязанный бечевкой сверток.

– Еда на работу? – спросил я, хотя уже знал ответ.

Скелет кивнул с оттенком гордости – мол, наша фея заботливая, ну чистое сокровище.

– Ты зачем под ногами мешаешься без спросу? – рявкнул я. – Кто тебя звал?

Костяшкин отшатнулся, прижал сверток к груди. Я выхватил его, сунул в сумку и торопливо пошел к экипажу. Сверху моросило, внизу хлюпало.

Ритуал Воплощения… Еще никогда я не был так близок к цели и одновременно так далек. Магии в Рии столько, что хватило бы на три ритуала подряд. Кристалл-накопитель готов, кровавый камень для фокусировки имеется, причем в четырех экземплярах. Всё, что я планировал почти четыре года, лежит на расстоянии вытянутой руки.

Но я не могу! Даже не потому, что фея может лишиться магии или погибнуть. А потому что ну вот как взять это наивное солнечное создание и выкачать силу… Ну нет. Рука уже както не поднимется.

Лучше я отыщу единорога и сам выжму из него слезы. Хотя я искал… Не нашел. Единороги реже фей, честное слово. Но это всё равно проще, чем объяснить себе, почему я не хочу использовать похищенную фею по прямому назначению.

Лошади-скелеты, облаченные в темно-синие попоны с золотистыми кисточками, переминались с ноги на ногу в конюшне. Я запряг двух, сел в экипаж. На окнах красовались занавески с вышитыми по краю колокольчиками. Лошади ждали команды, куда ехать. Тянуло приказать: «Подальше отсюда. И не возвращаться».

Я задушил этот порыв решительно и с возмущением. Замок Мортейнов не захватили ни враги, ни демоны, ни королевская налоговая инспекция. Так что фея тем более не захватит. Одна маленькая фея в полупрозрачном платье, с сиреневыми волосами и привычкой смотреть так, будто всё вокруг – немного чудо. Я, владыка тьмы, некромант в тринадцатом поколении, найду на нее управу. Непременно.

Лошади получили мысленный приказ ехать к западному лесу. Экипаж тронулся, я закрыл глаза. Сам дурак. Зачем я ее поцеловал? Это правда было неуместно. Сначала девушку – то есть фею – похищаешь, держишь взаперти, врешь ей про случайное перемещение, планируешь использовать в темном ритуале, а потом еще и лезешь с поцелуями. Перебор. Небось, она даже не в курсе, к чему это было. Хотя заявила вон, что знает, откуда берутся дети.

Я хмыкнул в темноту экипажа. Знает она. Может, считает, что их в кукурузе находят. Или птички приносят. С них, фей, станется.

Лес встретил меня сыростью и характерным зловонием, которое ни с чем не спутаешь. Вурдалаки. Судя по следам, стая из семи особей. Крупных, матерых и обнаглевших.

Я нашел их у оврага: они рвали тушу оленя и рычали друг на друга, не поделив добычу. Идеально. Полынный порошок лег в защитный круг, тьма взмыла в воздух, повинуясь моей воле. Склянка с настойкой мандрагоры разбилась о камень, и поплыли удушливые пары, от которых у вурдалаков глаза сбились в кучу.

Темная магия хлестала, рвала и крушила, обращала тварей в прах. Я гонял их по оврагу с какой-то особой яростью. С чувством, что хоть здесь всё нормально: есть тварь, есть некромант, есть магия и никаких тебе кружевных занавесок.

Когда последний вурдалак рассыпался горсткой праха, я опустился на камень перевести дух. Достал из сумки сверток, развернул. Фляга с чаем и пирожки с румяной корочкой! Они

пахли мясом, луком и неуловимой заботой. Я откусил и прожевал. Пирожки были вкусные. Злиться стало заметно труднее.

В замок я вернулся под утро. Поднялся в спальню, скинул пропахший вурдалаками балахон и пошел в ванную.

Ладно. Во-первых, так мне и надо, нечего похищать фей. Если моя жизнь превратилась в цветочный балаган – я это заслужил. Во-вторых, я разберусь, почему Рия не хочет домой. Уперлась, как баран в новые ворота! В смысле, как фея в кружевную занавеску. Я ей: «Возвращайся домой», а она мне: «Не всё доделала в нашем замке». Будто у нас совместное имущество и общие планы на будущее. Что она тут не доделала-то и когда доделает? Вопрос без ответа, а попытки переговоров провалились одна за другой.

Выбравшись из ванной, я натянул чистую рубашку и услышал из коридора голос Рии – звонкий и бодрый, несмотря на ранний час.

– Костяшкин, ты опять фалангу потерял! Вот же она, у плинтуса. Глыба, миленький, не подпирай стену, она свежевымытая. Кроха, куда ты понес вазу? Она в гостиной должна стоять! Идемте вниз.

Скелеты клацали, скрипели и суетились. Приоткрыв дверь, я выглянул. Рия шла по коридору и раздавала указания, как полководец перед битвой. Мои – да и мои ли уже? – приспешники ее слушались.

Я дождался, пока шаги стихнут на лестнице, и вышел в коридор. Вторгся в комнату Рии, внимательно огляделся в поисках подсказок. Занавески из паутинного шелка, цветы на зеркале, новое постельное белье с вытканными узорами… Всё выглядело так, словно здесь собираются остаться вовсе не на месяц, а дольше. Гораздо дольше.

В шкафу и комоде не нашлось ничего интересного. Под кроватью – пустота. Я провел рукой по постели – ткань была мягкой и нежной, практически живой. Пальцы наткнулись на что-то под подушкой. Сложенный вчетверо лист бумаги! Я вытащил его и развернул.

Почерк Рии. Старательный, но немного детский – с завитушками, разным наклоном букв и рисованными цветочками на полях. Это что… план?!

«Пункт первый: вкусно кормить некроманта».

Вычеркнуто. Жирно, с нажимом. Ну, с этим не поспоришь.

«Пункт второй: убрать замок».

Также вычеркнуто. Это дает надежду, что моя спальня уцелеет.

«Пункт третий: навести в замке красоту».

Вычеркнуто. Да что ты говоришь!

«Пункт четвертый: сделать в замке ремонт».

Не вычеркнуто. Я похолодел. Ремонт. В моем замке. Это что значит – стены ломать, полы перестилать, окна менять? У меня в кабинете бантики, а она еще замышляет ремонт?!

«Пункт пятый: привести некроманта в красивый вид».

Вычеркнуто. Я перечитал еще раз. Привести. Некроманта. В красивый вид. То есть Рия не просто так меня укладывала спать, гладила одежду и причесывала на нужную сторону. Это была тактика. Целенаправленная продуманная тактика по превращению меня в кого-то другого. Я – проект. Задача в списке. Меня специально делают красивым!

«Пункт шестой: получить счастливого и хорошего некроманта!»

С восклицательным знаком. Жирным. И обведенным в рамочку из нарисованных солнышек.

Аккуратно сложив список, я сунул его обратно под подушку. Глубоко вдохнул.

Что ж… Понятно. Я попал. По полной.

Глава 4

Рия

Утро выдалось солнечным, и я с особым удовольствием прибралась в холле. Чистяк прошелся тряпкой по тем местам, где натоптал Малфи, а я быстро протерла пыль. Она вечна: в том плане, что появляется снова и снова, с этим ничего не поделаешь.

Наколдованное мной растение оплело дверной косяк и дало новые побеги – тонкие, бледно-зеленые, с крохотными бутонами на концах.

– Ты у меня молодец, – сказала я ему, погладив самый крупный лист. – Растешь не по дням, а по часам. Только смотри, не загораживай вход, а то Малфи будет ругаться.

Оно понимающе шевельнуло ветками. Феи умеют договариваться с растениями: не словами, конечно, а намерением, теплом и магией. Я передала ему мысль: «Расти сюда и сюда, а сюда не надо», побеги послушно перераспределились. Очень удобно, когда тебя понимают. Не то что некоторые некроманты, которым сколько ни объясняй – всё без толку.

Прибранный холл радовал глаз. Вазы с цветами стояли на тумбах, на подоконниках, на полу у лестницы. Композиции я продумала до последнего лепестка! Салфетки лежали кружевными кругами на каждой горизонтальной поверхности, светильники пока не горели, потому что на улице распогодилось. Везде красота, порядок и уют. Ну, почти везде. Оставалась спальня Малфи и та запертая комната рядом, но туда явно не стоило соваться. По крайней мере, пока что.

Я поправила занавески на окнах, чтобы струились правильными складками. Вот теперь идеально. Или нет… Взгляд упал на двор. На жухлую траву, голые деревья и мрачные могилы.

А ведь двор – это тоже замковая территория! Более того, это первое, что видят гости. И Малфи, возвращаясь домой.

– Ребята! – крикнула я.

Костяшкин вынырнул из-за лестницы, Глыба отлепился от стены, а Кроха выкатился из-под дивана. Вертун перестал вертеться, Чистяк отложил тряпку. Ожил благоразумно ничего не делающий Бряк, даже Скрипуля приковылял на зов.

– Мы идем наводить порядок снаружи. Двор, кладбище – всё нуждается в нашей заботе!

Я выбежала на крыльцо. Ступени, сложенные из темного камня, были покрыты слоем грязи, а сам камень… Был ли он вообще когда-нибудь чистым или столетиями накапливал пыль поколений?

Костяшкин склонил череп набок, Кроха выглядывал из-за Глыбы. Никто не бросился меня догонять, хватать за руки и тащить обратно. Видимо, запрет не выпускать фею из замка более не действует. Отлично! Значит, и во дворе наведу красоту.

– Первым делом – крыльцо, – объявила я. – Моем, чистим, скребем. Глыба, тащи ведра и тряпки. Кроха – метлу. Чистяк, ты у нас главный специалист по чистоте, принимай командование.

Но, прежде чем браться за дело, нужно было переобуться в сапожки, купленные в городе. Это вам не туфельки из паутинного шелка, в них и по грязи, и по траве, и по кладбищенской земле ходить удобно. Я взбежала на второй этаж и… нос к носу столкнулась с Малфи на пороге своей комнаты. Он отчего-то напрягся и расправил плечи.

– Доброе утро! – обрадовалась я. – А что ты делал в моей комнате?

– Это мой замок, – веско произнес некромант. – Все комнаты здесь мои.

– Конечно, само собой. – Я широко улыбнулась. – Можешь приходить сколько хочешь. И даже остаться.

Он крайне задумчиво моргнул.

– Видел мою постель? – продолжила я, имея в виду новое белье, которое соткала несколько дней назад. Малфи шумно сглотнул. – Могу тебе такую же сделать. У тебя белье старое, я видела. Ну, когда заходила. Случайно. Пару раз.

– Пожалуй, откажусь, – выдавил он. – Цветочки в моем интерьере лишние.

Как это – лишние? Цветочки не бывают лишними! Они красивые и поднимают настроение.

– А чего ты не спишь после работы? – спохватилась я. – Вернулся же недавно, мне скелеты доложили.

– Не спится, – процедил Малфи сквозь зубы.

– Наверное, рабочая ночь была тяжелая, – сочувственно протянула я. – От зомби всех спасал, морока или вурдалака?

– Вурдалаков, – поправил он.

– Целой стаи? Ох, и ты с ними сражался один! – Я всплеснула руками и восхищенно уставилась на него снизу вверх. – Какой ты сильный и смелый… Ничего не боишься. Как жителям королевства с тобой повезло! И мне тоже очень повезло.

Малфи замер с приоткрытым ртом, будто хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Правда, горло это подрагивало.

– Давай я заварю тебе успокоительный чай? – предложила я ласково. – С мятой и мелиссой.

Он протиснулся мимо меня и пошел по коридору прочь. Не ответил ни «да», ни «нет», ни «уйди, фея, со своим чаем». Зря отказался… Вон нервный какой. Хотя это немудрено – с вурдалаками-то.

Я обула купленные в городе коричневые сапожки, покрутилась перед зеркалом. Поправила цветы в волосах, закрепила получше, чтобы не выпали во время работы. Всё, теперь можно идти.

Вернувшись на крыльцо, я присоединилась к моющим его скелетам. Подоткнула подол, взяла тряпку и принялась тереть ступени вместе с ними. Вода была ледяной, но магия согревала пальцы, работа спорилась. Через полчаса крыльцо сияло вместе с вытряхнутым половиком. Камень оказался глубокого графитового цвета, с вкраплениями слюды, которая поблескивала на солнце. Я и не знала, что он такой прекрасный!

Отряхнув руки, я прошла во двор. Скелеты стояли на вымытом крыльце – Чистяк с тряпкой, Глыба с ведром, Кроха с метлой, Костяшкин с важным видом начальника, который лично ничего не делает, но без которого всё развалится.

– Вы со мной? – спросила я.

Костяшкин первым направился ко мне, а за ним потянулись остальные. Никакой паники и попыток утащить меня в замок. Просто пошли следом за мной – как ходят за тем, кому доверяют.

Ну… Приступим!

Я призвала магию – щедро, не экономя. Тепло разлилось по ладоням, заструилось в землю, в корни деревьев и траву. Она зашевелилась, становясь густой, сочной и пушистой. Добавленный клевер расползался по двору мягким ковром, усеянным крохотными розоватыми шариками. Деревья пробудились, из корявых веток полезли зеленые листья и распустились белые цветы. Больше бедняги не просили милостыню у неба, а тянулись к солнцу, гордые и нарядные.

Костяшкин разглядывал зеленую траву с таким видом, словно видел ее впервые. Глыба опустился на корточки и потрогал клевер костяным пальцем. Я прошла дальше, к кладбищу. Вспомнила городское – то, куда мы с Малфи ездили ловить светлячков. Там были мощеные дорожки, аккуратные скамейки и ровные ряды могил с ухоженными цветниками. Красивое

место, умиротворенное. А здесь… У-у-у! Несправедливо. Если уж чье-то кладбище и должно быть ухоженным, то в первую очередь – кладбище некроманта. Он же с мертвыми работает.

Здесь моя магия потекла иначе: мягче и уважительнее. Я не стала менять ничего кардинально, просто вырастила цветы на могилах. Пушистые кустики лаванды, скромные ромашки, нежные розы – пусть у каждого, кто здесь лежит, будет свой маленький сад. Мох я не убирала, он мне нравился: старый, благородный и серебристый. Лишь чуть-чуть разбавила его изумрудным.

Я переходила от могилы к могиле. От надгробий веяло стариной. Каменные плиты, источенные временем и непогодой, с надписями, которые почти стерлись. Но кое-где удавалось разобрать имена и даты. Самой «новой» могиле было не меньше десяти лет!

Дальше пошли совсем уж загадочные, с маленькими крестиками, выцарапанными сбоку. Я насчитала штук десять таких. Они выглядели иначе – словно их выкопали, а потом засыпали обратно.

– Ребята, – позвала я скелетов, – а что это за могилы такие необычные?

Костяшкин постучал себя по грудной клетке и указал на остальных скелетов.

– Ваши? – осенило меня. – Бывшие? Вы в них лежали до того, как стали умертвиями?

Они закивали. Костяшкин – с достоинством, Глыба – застенчиво. Кроха – энергично, аж челюсть клацнула. Вертун привычно завертелся, Скрипуля заскрипел, Чистяк помахал тряпкой, а Бряк свою выронил.

– А где чья могила?

Скелеты печально развели руками.

– Не помните, – поняла я. – А кем вы были, как жили? Как вас звали до того, как вы стали скелетами?

Они молчали. В смысле: не клацали, не скрипели и не двигались. Стояли и пялились на меня темными глазницами, в которых не было ответа.

Наверное, это к лучшему. Вспомнили бы – и загрустили. А так у них новая жизнь. Ну, или нежизнь. Зато с именами, красивой одеждой и работой, которая им, кажется, нравится. Во всяком случае Чистяк искренне любит свою тряпку, а Бульончик – половник, а это уже немало.

Вскоре я облагородила всё кладбище: взрастила цветы на каждой могиле, поправила покосившиеся надгробия – с помощью Глыбы, который ворочал их как пушинки. Порядком устала, а магии потратила столько, что хоть падай. Однако кое-что не давало мне покоя: я обошла кладбище вдоль и поперек, вглядываясь в каждую надпись, которая поддавалась прочтению, но Мортейнов среди них не было. Ни одного.

– А где же похоронены некроманты? – спросила я вслух.

Интересно же! Картины на третьем этаже не подписаны, и я могла только гадать, кто из хмурых мужчин и женщин на портретах был прадедом, кто двоюродным дядей, а кто вообще случайным знакомым, которого зачем-то увековечили. А тут – целое кладбище, и ни одной знакомой фамилии.

Костяшкин поскреб затылок и указал пальцем в сторону склепа. Конечно… Склеп! Он же не просто помещение для ритуалов. Внизу, в темноте и сырости, покоятся поколения Мортейнов.

Я побежала туда, а скелеты и не подумали сдвинуться с места.

– Вы не идете?

Они покачали черепами.

– Не хотите? – переспросила я. – Или вам нельзя?

Костяшкин изобразил жест, который я расшифровала так: «Туда ходят только Мортейны. И те, кого они приглашают. Мы – ни то, ни другое».

– Ждите снаружи! Я ненадолго.

Толкнув тяжелую дверь, я спустилась по каменным ступеням. В склепе было так тихо, что собственные шаги звучали, как грохот. На стенах сами собой вспыхнули факелы – те жутко коптящие.

Саркофаг стоял на прежнем месте. Крышка была сдвинута, наполнявшие его цветы подвяли. На каменном полу была начерчена большая звездочка – та же самая, что и в первый день. Валялись огарки свечей – черные, оплывшие, с потеками воска. На стенах виднелись загадочные угловатые символы. Да уж! Тут тоже навести порядок не повредит. Воск отскрести, символы смыть… Хотя нет, символы, пожалуй, трогать не стоит. Это ритуальное и магическое. Я не знаю, для чего они нужны, лучше не экспериментировать.

Кстати, вот здесь, прямо на этом месте Малфи меня поцеловал. Наклонился, положил ладони на крышку саркофага, и вокруг него заклубилась тьма – красивая, живая, переливающаяся. А губы у него были такие горячие…

Я затрясла головой. Отвлекаюсь!

Отвернувшись от саркофага и связанных с ним воспоминаний, я осмотрела склеп внимательнее. О, проход… За саркофагом, в стене. Черный провал, уходящий куда-то вглубь.

Выходит, тут есть еще комнаты. А это помещение – склепная гостиная? Или прихожая? Очень в духе Мортейнов: встречать гостей ритуальным саркофагом и странной звездочкой на полу.

В проходе царила кромешная тьма, ничего не думало зажигаться. Я сняла факел со стены. Он потрескивал, пах гарью и давал неровный свет, но другого варианта не было.

– Уважаемые владыки, – сказала я в темноту, делая первый шаг. – Я к вам в гости. Надеюсь, вы не против.

Темнота не ответила. Ну или ответила молчаливым согласием. Там лежали поколения некромантов, и я собиралась с ними познакомиться.

Глава 5

Пламя факела дрожало, выхватывая из мрака неровные каменные стены, воздух был затхлым и холодным. Впрочем, плесенью не пахло, уже замечательно.

Проход вывел меня в небольшой зал с куполообразным потолком. Ни саркофагов, ни надгробий, ни каменных плит на полу. Голые стены, сплошь затянутые толстым слоем паутины. Я даже залюбовалась: пауки постарались на совесть, сплели такое кружево, что любая ткачиха позавидует.

Я сделала шаг, другой, подняла факел повыше и ахнула. Стены! То, что я приняла за каменную кладку, оказалось рядами табличек. Больших, прямоугольных, вмурованных одна к другой так, что они сливались в единый клеточный узор. Их скрывала паутина, но теперь, когда я всмотрелась, проступили десятки выбитых имен.

Некроманты. Поколения Мортейнов. Они лежали здесь, в этих стенах!

Я медленно обвела факелом зал. Таблички уходили вверх и в стороны, ряды и ряды имен. Пришлось задрать голову и попятиться, чтобы увидеть те, что были под самым потолком. Ох… Сколько же их тут? Человек сорок-пятьдесят, а то и больше.

Опустив факел, я почтительно поклонилась.

– Уважаемые Мортейны, – сказала вполголоса, – простите, что без приглашения. Я Рия, фея из Оазиса. Временно живу в вашем замке, помогаю Малфи по хозяйству. Надеюсь, вы не против нашего знакомства.

Ответом была тишина. Густая, плотная, нерушимая. Мортейны молчали, и я решила, что возражений нет. В конце концов, какая им разница, кто ходит по склепу? Они уже там, где все тревоги и страсти остались позади. А может, и рады компании – столько лет пролежать в темноте без единого посетителя, это же заскучать можно.

Я принялась читать имена. Фамилия была везде одна – Мортейн. Фамильный склеп. Под каждым именем значились две даты. Некроманты редко доживали до седины… Я насчитала с десяток табличек, где вторая дата отстояла от первой меньше чем на полвека. Опасная у них работа. Вурдалаки, мороки, зомби и прочая нежить, с которой Малфи разбирается каждую ночь. Его предки разбирались с тем же самым, и многим это стоило жизни.

Попадались и долгожители. Один Мортейн дожил до семидесяти, другой аж до восьмидесяти пяти. Но таких имелось мало, и я взирала на эти таблички с особенным уважением. Думаю, это были по-настоящему сильные некроманты. Или осторожные. Или просто везучие.

Я шла вдоль стены, читая имена и гадая, кто из них изображен на портретах в галерее третьего этажа. Тот бородатый мужчина с суровым взглядом – наверное, Луидор. А дама с поджатыми губами – Медея? Ей подходит!

И вот что странно: картины наверху не подписаны. Висят себе хмурые люди в рамах, и поди догадайся, кто из них кто. А под землей, где никто не ходит, всё четко. Вероятно, развешивающий картины Мортейн думал: «Наши потомки и так знают, кто есть кто, а чужакам тут делать нечего»…

Я так увлеклась этими размышлениями, что не заметила, как дошла до конца стены. Таблички стали новее – камень не такой выщербленный, буквы более читаемые. Глаза наткнулись на два имени, стоящие рядом в последнем незаконченном «столбике».

Эдрик и Илара Мортейн. Даты рождения разные, а дата смерти – одна. Десять лет назад, день в день. Родители Малфи умерли вместе? Очень романтично! Уйти вместе, рука об руку, не оставляя друг друга даже после смерти. Обоим было под шестьдесят. Немало, конечно, но и немного, могли бы еще жить да жить. Интересно, что с ними случилось?..

Я перевела взгляд на табличку ниже, и сердце ухнуло куда-то в пятки. Малфегор Мортейн. Как?! Не может быть!

Так, спокойно… Мало ли, вдруг у них в роду есть некроманты с одинаковыми именами. Я пригляделась внимательнее. Сама плита не была вмурована в стену, вокруг нее виднелась щель, а сбоку – металлическая петля, почти незаметная в полумраке. Это же, по сути, не таблички, а дверцы. Как у маленького ящика, только каменные.

Дата стояла только одна – рождения. Ясно! Это у него место «на будущее». И Малфи тридцать два года. А через неделю будет тридцать три. У него скоро день рождения!..

Уи-и-и… Надо будет испечь торт – огромный, слоеный, с кремовыми розами и шоколадной крошкой. И подарок приготовить. Соткать что-нибудь? Я уже прикидывала, что именно и как воткнуть в торт столько свечей, когда взгляд скользнул дальше, на нижнюю табличку. Делия Мортейн. И даты. Год рождения – на восемь лет позже, чем у Малфи. А год смерти – почти четыре года назад. Ей было всего двадцать.

Его жена?.. Та самая, что «всплыла»? То есть погибла.

Я коснулась таблички. Камень был холодным и шершавым, буквы – глубокими. Пальцы дрогнули, и я случайно нажала сильнее. Раздался скрежет – такой протяжный, что заныли зубы. Дверца распахнулась.

Ой-ой! Я зажмурилась. Крепко-крепко, до цветных кругов перед глазами. Не хотела видеть, что внутри. Не сегодня. Не сейчас. Или никогда.

Я попыталась нашарить ладонью край створки, чтобы захлопнуть обратно, но получалось плохо – пальцы соскальзывали, факел в другой руке мешал. Не закрывалось!

И тут меня осенило. Я тряхнула факел, лишив пламя магии. Оно погасло с тихим шипением, зал погрузился в кромешную тьму.

Так было проще. Нашарив дверцу обеими руками, я с силой толкнула ее. Раздался глухой щелчок. Ф-фух… Пронесло. Чуть не заглянула туда, куда заглядывать совершенно не следовало. Неловко вышло бы, хотя, наверное, там давно голые кости.

Сверху зашелестела паутина, потревоженная сквозняком. Повернувшись, я врезалась во что-то твердое и теплое. А-а-а! Этот звук вырвался наружу, громкий и пронзительный. Пауки, должно быть, попадали со своих кружев, а поколения Мортейнов дружно перевернулись в каменных нишах.

Валяющийся на полу факел внезапно вспыхнул сам собой. Ярко и жарко, словно его зажгла чья-то магия. И в этом свете я увидела, с кем столкнулась.

Передо мной стоял Малфи и смотрел с выражением, средним между «что ты опять натворила» и «я сейчас тебя упокою». Он поднял факел с пола, и в его глазах отразился огонь, делая их похожими на два тлеющих угля.

– Чего орешь? – осведомился некромант.

– А чего ты меня пугаешь? Темно же!

– Зачем тогда факел погасила?

– Испугалась.

Малфи прикрыл глаза и сосчитал до пяти. Открыв, строго спросил:

– Что ты делаешь в склепе?

Я набрала побольше воздуха, чтобы ответить, но взор невольно скользнул в сторону таблички Делии. Малфи перехватил его и сразу отвел свой – в угол, где не было ничего, кроме паутины и каменной кладки.

– Интересного здесь нет, – сказал он глухо. – Идем.

Мы вышли в главное помещение склепа. Сделалось светлее – факелы горели на стенах, и я наконец смогла перевести дух. Саркофаг стоял на своем месте, странная звезда на полу исчезла, видимо, Малфи ее стер.

Он вставил факел в крепление на стене и подошел ко мне. Теперь мы оба стояли у саркофага – там, где вчера… ну, это самое. Малфи глянул на меня, на саркофаг и снова на меня. Очень так выразительно, даже слишком.

– Ты передумала? – поинтересовался он вкрадчиво. – Хочешь отправиться домой?

Я отступила на шаг. Затем на два.

– Не передумала.

– Почему ты пятишься?

Да потому что мне кажется, что он сейчас опять возьмет меня на руки (тут я была не против) и запихает в саркофаг (а тут я уже была против).

– Если бы я хотел, – произнес он, словно читая мои мысли, – ты бы была в саркофаге. Но я не запихиваю фей в саркофаги против их воли. Больше не запихиваю.

– Вот и хорошо! – Я остановилась, но на всякий случай отошла еще чуть в сторону, поближе к лестнице.

– А о других феях ты подумала?

– В смысле?

– В прямом. – Малфи скрестил руки на груди. – Они же не знают, что с тобой. Где ты, жива ли вообще.

Я открыла рот, чтобы возразить, и закрыла. Он прав. Элара и Тиана наверняка плачут, а Иллианта корит себя за недосмотр. Меня ищут и не могут найти, потому что портал замаскирован, а следы запутаны. Они с ума сходят от беспокойства.

– Продолжать заставлять их волноваться, – сказал Малфи с нажимом, – безответственно с твоей стороны.

Вот ведь, и правда безответственно. Было бы правильнее вернуться, успокоить всех. Но как может быть правильным бросать моего некроманта на произвол судьбы? Это тоже безответственно – я почти привела его в порядок. Без меня он опять запустит замок и будет сутулиться.

Я вскинула голову и выпалила:

– А давай пригласим их в гости!

Малфи закашлялся, прижав кулак к губам.

– Кого? – прохрипел он.

– Моих подружек. Они придут, увидят, что со мной всё хорошо, что я сама решила остаться подольше, и перестанут волноваться. Устроим фейский праздник! С цветами, танцами и угощениями.

– Ага, – поморщился он, – будете хороводы водить вокруг одуванчика, в который меня превратят.

– Не превратят, я им всё объясню. Скажу, что ты не злой, извинился за похищение и исправляешься. Они поймут. Феи добрые, особенно королева Мабэлла.

Малфи побледнел так, будто примерял на себя роль одуванчика, и она ему категорически не нравилась.

– Идея-то отличная, – горячо продолжила я. – Давай им весточку отправим через саркофаг? Ты же умеешь?

– А ты не думала, – усмехнулся он, – что они заберут тебя с собой?

Да уж. Если феи явятся сюда, то поначалу, конечно, обрадуются, что я цела. Но после-то наверняка заберут. Не поверят, что фее может быть хорошо в мрачном замке с некромантом.

– Ладно, – вздохнула я, – обойдемся без весточки и без праздника. Пусть еще немного поволнуются. Я потом перед ними очень извинюсь. Сильно-сильно.

Малфи закатил глаза и пошел к лестнице. Я поспешила за ним, радуясь, что разговор о возвращении домой откладывается.

Наверху он распахнул дверь склепа, мы выбрались на свет. Во дворе царила красота. Трава зеленела пушистым ковром, клевер розовел тут и там, деревья стояли в белом цвету. Могилы были ухоженными, воздух пах иначе – свежей зеленью и капельку розами.

– Ты видел, – я сгорала от любопытства, – как я здесь всё обустроила?

– К сожалению, да, – буркнул некромант.

Понятно. Хотел порадоваться сюрпризу на моих глазах. А теперь эффект не тот…

Из-за одного надгробия торчал чей-то череп, из-за другого – костяная рука в рукаве халата. Кроха за деревом жался к стволу, стараясь занимать как можно меньше места. Скелеты прячутся…

– А ничего, что я во двор выхожу? – спросила я осторожно. – Твои приспешники меня выпустили. Мне уже можно?

– Да, – подтвердил Малфи ровно, – я не обновлял приказ тебя не выпускать. Ходи где хочешь.

И посмотрел на ворота. За ними виднелись дорога, поля и речка. Свобода, в общем. Неужели ждал, что я сейчас сорвусь и убегу? У меня неначатый ремонт, не до конца счастливый некромант и куча неглаженых балахонов. Какая уж тут свобода.

Я переключила внимание на самого Малфи. Он стоял в лучах полуденного солнца – да-да, сквозь тучи наконец-то пробился свет! – и выглядел угрюмо и величественно. Был в своей обычной одежде, но рубашка сияла чистотой, а волосы…

Так-так-так, упущение. Я потянулась к ним кончиками пальцев, но Малфи дернул головой и отстранился. Уставился на меня сурово, даже грозно. Будто я не прическу ему поправить собралась, а как минимум снова рассказывать о вреде недосыпа.

– У тебя волосы не на ту сторону зачесаны, – пояснила я.

– Мне нормально.

– Сам посуди, с правой стороны у тебя висок красивее и бровь выразительная. А с левой – челка падает на глаза, и весь облик теряется.

– Мне так больше нравится, – сказал Малфи, чеканя каждое слово.

– Хорошо. – Я опустила руки. – Это твои волосы, ходи как пожелаешь.

– Прекрасно, – отрезал он и зашагал прочь.

Решительно, широким шагом, так что плащ должен был бы развеваться за спиной. Но не развевался, потому что никакого плаща на нем не было. Однако и без него было внушительно.

– Ты куда? – крикнула я вдогонку.

– В кабинет. Работать.

– Помощь нужна?

– Нет! – рыкнул он, не оборачиваясь.

Скрылся на крыльце замка. Скелеты опасливо выглянули из-за могил как провинившиеся дети.

Уф. Ну раз Малфи пока не нужна моя помощь, займусь своими делами. Их у меня, честно говоря, в таком огромном замке всегда полно. И не только в замке. Кстати… А не прибрать ли конюшню и склеп?

Глава 6

Малфегор

В кабинете пахло, чтоб ее, лавандой. Провоняло всё, включая письма. Я сидел за столом и яростно разбирал их. Жалоба фермера на неурожай репы – швырк в одну стопку. Отчет для королевской канцелярии – швырк в другую. Приглашение на бал – швырк в мусорную корзину. Мимо. И пусть валяется!

Стопки, размеченные цветными квадратиками Рии, мозолили глаза. Красные – срочно, оранжевые – жалобы, голубые – канцелярия. Зеленые – счета, синие – отложенное на потом, желтые – на сожжение. Но сжечь хотелось эти клятые фейские бумажки. Система сортировки выводила из себя: я не просил наводить «порядок» в моем кабинете и уж точно не просил выращивать на подоконнике кусты, которые разрослись и мешали открывать окно. Меж ними притулилась шиншилла-предательница и разве что не похрюкивала от блаженства.

Я отшвырнул очередное письмо. Может, Рия уже удрала на свободу? Но если она выйдет за ворота, то непременно заблудится. Фея же как ребенок: лес дремучий, дорог не знает, ориентиров ноль. Забеспокоившись, я подошел к окну и глянул во двор.

Рия шла от конюшни с ведром и щеткой. В коричневых сапожках и невозможном платье, которое просвечивало в лучах предзакатного солнца. Она целеустремленно протопала к склепу, распахнула дверь и исчезла внутри.

Место упокоения поколений Мортейнов рискует обзавестись кружевными салфетками. Интересно, они у нее пыле- и влагоустойчивые? Предки, готовьтесь: сейчас ваши усыпальницы зацветут васильками, а черепа натрут до блеска. Тьфу.

Я перевел взгляд на кладбище. Даже отсюда было видно, во что его превратила фея. Отчищенные надгробия стояли ровно, всюду клумбочки цветочков. Форменный палисадник! Кладбище было заброшенное, а теперь выглядит как действующее. Кого ж там теперь прикопать?

Так, об этом лучше не думать.

А ведь Рия хотела пригласить сюда подружек! Фейский праздник, ага. Я очень живо нарисовал себе эту картину: королева Мабэлла взмахивает рукой, и вот я уже пушистый одуванчик. Рия поливает меня из лейки и приговаривает: «Малфи, ты такой милый». Занавес.

Да уж, выдворить ее обратно в Оазис цивилизованным способом не вышло. Мой замок захвачен без единого боевого заклинания и вооруженного врага! Не демонами, не королевской инспекцией, не гильдией магов, а одной маленькой феей.

Я схватил очередное письмо – жалобу на онемевшего якобы из-за моей магии петуха. Швырнул в стопку. Бесили меня, все шесть. Хватит! Со сцепленными зубами я сгреб их, срывая цветные квадратики. Они полетели в мусор, а я пересортировал письма по-старому: важные – в одну кучу, неважные – в другую, «проверить, когда не будет лень» – в третью. Три стопки. Правильные.

Но чего я злюсь? Хотел использовать фею в ритуале – прагматично, в соответствии с многовековыми традициями темной магии. А в итоге она использовала некроманта как дипломную работу по домоводству. У меня был план, в котором она ингредиент. У нее – план, в котором я проект. Финальный пункт: получить счастливого и хорошего некроманта.

Так, может, прикинуться счастливым?

Мысль подлая, но дельная. Притворюсь, что достиг хорошести. Рия обрадуется, плача от умиления. Поймет, что миссия выполнена, и уйдет домой в Оазис. А я останусь здесь в тишине, без кружевных занавесок, цветов на каждом шагу и танцующих скелетов. Ну… нет. На такое я не пойду, у меня гордость есть. Не намерен притворяться.

Пожалуй, я… съеду отсюда, вот!

Минуту. Съехать из замка предков? Бросить родовое гнездо на растерзание фее? Отец сказал бы: «Малфегор, ты позор рода. Твой прадед поднимал армии нежити, а ты сбежал от девчонки с тряпкой».

Надо спуститься на третий этаж. Пусть прабабка посмотрит на меня с портрета. Она своим осуждающим видом кого угодно приведет в чувство.

Так я и поступил. Этаж сиял чистотой, ковры были отдраены, а портреты протерты. Галерея предков. Я подошел к прабабке, приготовился к привычной волне неодобрения. И остолбенел. Прабабка смотрела на меня с любопытством, будто спрашивала: «Ну-ка, внучек, расскажи, что там у тебя происходит?»

Я протер глаза и пригляделся. Уголки губ на картине были приподняты на миллиметр – ровно настолько, чтобы изменить выражение лица с «ты меня разочаровал» на «давай, не тяни, делись новостями».

– Рия, – выдохнул я, – ты и сюда добралась…

Прабабка молчала, и это молчание было красноречивее любой нотации.

Я застонал – громко, протяжно, от всей души. Значит, фея считает, что некроманты душки! Ну или пытается сделать нас таковыми. Вернее, меня и прабабку за компанию. Что дальше? Портрет отца перерисует в пастельных тонах? Деду приделает улыбку до ушей? А мне… Ха. Да она уже!

Пятый вычеркнутый пункт: привести некроманта в красивый вид.

Я – результат фейского вмешательства. Малфегор Мортейн, переработанная и улучшенная версия. Нет уж, так не пойдет. Нечего из меня делать кого-то другого. Я – это я. Сплю когда хочу, ношу что хочу и волосы зачесываю на ту сторону, на которую считаю нужным.

Прабабка воззрилась на меня с новым выражением, в котором читалось что-то вроде: «Дурак ты, внучек». Я зашагал прочь.

Спать не пошел, хотя по расписанию, навязанному мне феей, должен был продрыхнуть четыре часа. Вместо этого я спустился на первый этаж и завернул в кладовую. Там в углу сиротливо стояла старая посуда, которую скелеты унесли с кухни после того, как Рия заказала новый сервиз. Я порылся в коробках. Котлы с щербатыми краями, кружки с трещинами, миски. Ага, вот. Тарелка – обычная, без единого цветочка. И вилка с погнутым зубцом, зато без ромашек на ручке.

Просидев в кабинете до победного, в восемь часов я вошел в столовую. Запахи стояли такие, что голова закружилась, слюнки потекли сами собой… Нет-нет-нет! Я не позволю сбить меня с толку. У меня имеется план. Точнее, антиплан. Контрплан.

Рия сидела за столом. Свечи горели, скатерть блестела, на тарелках красовались незабудки. При моем появлении она подняла голову и улыбнулась.

– Проходи! Сегодня у нас овощное рагу и пирог с яйцом и зеленью. Ты голодный?

Я подошел к столу и убрал новую фарфоровую тарелку в сторону. Поставил свою. Серую, старую, с щербинкой на ободке. Положил в нее изрядную порцию рагу, достал из кармана погнутую вилку и начал есть.

Рия замерла, ее огромные фиалковые глаза стали еще больше.

– Что ты делаешь? – спросила она тихо.

– Ем. – Я наколол на вилку кусок моркови. – Очень вкусное рагу, кстати. Трав в меру, лучок не пережарен.

– Но… Из красивой тарелки есть вкуснее. Красивой вилкой.

– Еда от этого не поменяется. Хоть прямо из кастрюли ешь.

– Ой, не надо из кастрюли! – Рия замахала руками. – Ешь из своей тарелки…

Некоторое время мы ужинали в тишине, и я жевал с чувством глубокого удовлетворения.

– Так ты вернешься к своим через месяц? – спросил я, запивая пирог цветочным чаем.

– Ну да. – Рия приподняла брови. – Ты сам говорил, что я пробуду у тебя месяц.

– Я сказал: «Где-то месяц, может, меньше». На второй день, когда ты узнала про похищение и рыдала в голос.

– Первое слово дороже второго!

Ладно, владыки тьмы не торгуются. А жаль.

– Ты тут уже десять дней, – подсчитал я. – Через двадцать дней вернешься в Оазис?

– Конечно. – Рия пожала плечами, но как-то неуверенно. – Не могу же я остаться у тебя жить.

Она прикусила губу, явно задумавшись. Уставилась в свою тарелку так, словно надеялась найти ответ среди недоеденных овощей.

– Разумеется, не можешь, – обозначил я. – Феи должны жить в Оазисе.

– Кому должны? – встрепенулась Рия.

– Так устроено мироздание.

– Ах, мироздание… – Она опять задумалась. – Понимаю, глупо спорить с мирозданием.

Я доел, встал из-за стола и молча вышел. В коридоре меня встретили скелеты. Костяшкин склонил череп набок – мол, ну что, как ужин? Я зыркнул на него, и он поспешно сделал вид, что поправляет рукав.

Три недели. Осталось потерпеть всего три недели. Но их надо как-то прожить… А я больше не собираюсь позволять фее диктовать свои условия в моем замке.

Я поднялся к себе и встал перед зеркалом в ванной комнате. Провел рукой по волосам. Те лежали мягкими волнами – шампунь из медовых лепестков, будь он неладен. Я зачесал их налево. Подумал и перечесал направо. Снова налево. Потом взъерошил так, что они встали дыбом.

Вот. Теперь я похож на себя прежнего. Завтра же выкину цветы с подоконника в кабинете. Ну, может, не все. Парочку оставлю. Шиншилла к ним привыкла.

Глава 7

Рия

Рассвет я встретила на подоконнике своей комнаты, прижавшись лбом к прохладному стеклу. На востоке разгоралась такая красота, что дух захватывало! Небо становилось из чернильного аметистовым, затем персиковым, а на горизонте вспыхнула дрожащая золотая полоса, обещая новый прекрасный день. Оживленные мной вчера деревья тянулись к свету белыми цветами, трава блестела от росы, а надгробия серели ровными рядами. Великолепно.

Спрыгнув на пол, я потянулась. Дел снова невпроворот! А вчера…

Конюшню мы со скелетами отдраили до блеска. Лошадок отмыли, и они теперь стояли в стойлах чистые. Я им и попоны постирала. Увы, склеп пришлось мыть самой – скелеты наотрез отказались туда соваться. Глыба замер, будто врос в землю, а Костяшкин издал такой скрип, что я испугалась за его суставы и не стала настаивать. В общем, осилила только общий зал. Символы на стенах на всякий случай не трогала – кто их знает, этих некромантов, может, это защита от злых духов или рецепт особенно удачного зелья.

Саркофаг я оплела вьюнками и вырастила внутри пышную клумбу – лилии, розы, пионы, всё вперемешку. Не столько для красоты, если честно, а чтобы там не нашлось места даже для очень худенькой феи. Пусть Малфи попробует меня туда запихнуть! Пока он будет вытаскивать цветы, я уже десять раз убегу в замок. Хотя он вроде бы пообещал больше так не делать… Но мир людей научил меня не быть излишне доверчивой.

До усыпальницы Мортейнов я так и не добралась. Но сегодня – непременно! Лежат поколения владык в пыли и паутине, это же безобразие. Неуважение к предкам, именно что.

Я быстренько оделась, вплела в пряди свежие бутоны и выпорхнула в коридор. За дверью меня ждал Костяшкин в своем черном костюме, вытянувшись по струнке. Всем видом излучал важность и осведомленность. Приветствуя меня, он прижал костяную ладонь к груди и церемонно поклонился.

– Доброе утро! Как обстановка?

Костяшкин принялся за пантомиму. Сначала показал на дверь спальни Малфи, прижал сложенные ладони к щеке. Для точности ткнул пальцем в потолок и изобразил, как хозяин падает на кровать.

– Вернулся с ночной работы и лег, – перевела я. – Хорошо. Пусть спит, не будем ему мешать.

Костяшкин приосанился, а я вдруг заметила нечто странное. В нише, где раньше ничего не стояло, красовались цветы. И не какие-нибудь, а те, что я наколдовала в кабинете Малфи. Розы, лаванда и фиалки. Они жались друг к другу в этом углублении, куда почти не попадал свет, и выглядели растерянными. Под ними были навалены шторы, которые я соткала для окна – голубенькие с бантиками. А кабинетные салфетки несчастно свисали с края ниши, словно их выселили из уютного дома на голый камень.

Я ахнула и обернулась к Костяшкину.

– Это что такое? Откуда здесь цветы и вещи из кабинета?

Он заметно смутился и опустил череп.

– Так… – Я уперла руки в боки. – Рассказывай.

Костяшкин тяжело вздохнул – насколько вообще может вздыхать скелет – и выдал новую серию жестов. Показал Малфи – расправил плечи, нахмурился и сложил руки на груди. Очень похоже получилось, надо признать. После ткнул пальцем в цветы, в коридор и сделал жест, будто что-то выкидывает.

– Малфи велел унести цветы из кабинета? – уточнила я.

Кивок.

– И шторы?

Снова кивок, на этот раз виноватый.

– И салфетки?

Костяшкин закивал с таким видом, будто лично участвовал в преступлении и теперь раскаивается.

Вот те раз! Малфи не только из старой тарелки ест и волосы специально зачесывает не на ту сторону – он еще и кабинет разоряет!

– Владыка что, заболел? – спросила я в тревоге. – Может, простудился, когда вурдалаков гонял? Или отравился чем-нибудь? У него на складе столько подозрительных зелий…

Костяшкин отрицательно покачал черепом и изобразил Малфи, который бодро шагает, размахивает руками и вообще выглядит совершенно здоровым. Потом покрутил пальцем у виска.

– Нет, ну что ты такое говоришь, – возмутилась я. – Малфи не сумасшедший. Он просто… – Я замялась, подбирая слово. – Сложный.

Скелет развел руками – мол, я всего лишь приспешник, мне не положено комментировать странности хозяина.

Я взяла из ниши горшок с цветами и бережно погладила. Бедные, их выгнали из теплого кабинета в холодный коридор! Ничего, я найду им место получше. Салфеткам со шторами тоже.

– Знаешь что, Костяшкин, – осененно сказала я, разглядывая скелета, – ты у меня молодец. Всё знаешь, за порядком следишь. Настоящий… как это у людей называется… дворецкий! Точно! Я видела его в замке герцога Кассия – важный мужчина в сюртуке, всеми командует. И у тебя костюм похожий, я, наверное, интуитивно тебе такой соткала.

Если бы у Костяшкина были глаза, они бы, наверное, наполнились слезами умиления. А так только тьма в глазницах дрогнула.

– Повышаю тебя до дворецкого замка Мортейн, – объявила я торжественно. – Будешь встречать гостей, распределять работу между остальными и докладывать мне обо всем важном.

Он вытянулся так, что позвоночник хрустнул. И поклонился – глубоко, с достоинством, совсем как дворецкий у герцога.

– Вот и славно. – Я просияла. – Поздравляю с повышением. За работу!

Оставив новоиспеченного дворецкого осваиваться с должностью (он тут же принялся проверять, ровно ли висят светильники), я отправилась искать новое пристанище для изгнанных цветов. Один горшок поселила на подоконнике в гостиной, где солнце бывало чаще всего. Второй отнесла в столовую – пусть радуют глаз во время ужина. Третий пристроила на кухне, оставшиеся – в холле.

Со шторами и салфетками было сложнее. Я ходила с ними по замку, прикладывала то к одному окну, то к другому, но везде уже висели сотканные специально для этих мест. В итоге я спустилась в темницу, где как раз не хватало уюта. Шторы с бантиками отлично замаскировали главные двери-решетки, а кружевные салфетки легли на перевернутые бочки, заменявшие столики.

В темнице стало, как в будуаре! Обмотанные серебристым шелком цепочки, цветы на потолке, подушки на пледах, а теперь еще и шторы, да салфеток побольше. Интересно, Малфи видел, во что превратилось его подземелье для «особых гостей»? Если видел, то почему не похвалил?..

Но чем-то же ему не понравились шторы в кабинете… А они были красивые. И салфетки прелестные. А уж цветы!

– Со второй попытки сделаю лучше, – сказала я плющу, который оплетал решетку. – Вот уж так расстараюсь, чтобы ему наверняка понравилось.

Плющ одобрительно качнул листьями. Он вообще был очень понимающим растением.

Когда я наконец поднялась наверх, солнце стояло высоко, светлячки спали по углам. В желудке заурчало. Завтрак я пропустила за хлопотами, значит, надо наверстывать обедом.

В столовой витал аромат супа, тыквенного со сливками. За столом сидел Малфи в простой рубашке. Перед глубокой тарелкой – старой, серой, треснутой у ободка. В его руках была погнутая ложка из того набора, что я велела убрать в кладовку.

Рядом с некромантом чинно замер Костяшкин в позе «дворецкого на посту»: руки за спиной, грудь колесом, череп высоко поднят.

– Добрый день! – поздоровалась я тепло. – Как спалось?

– Сносно, – ответил Малфи, не поднимая глаз от тарелки.

Зачерпнул суп своей ужасной ложкой и отправил в рот. Впрочем, ладно. Она хоть и погнутая, но всё же ложка. Не из кастрюли хлебает, и на том спасибо.

Я налила себе супа в тарелку с ромашками и васильками, взяла нормальную ложку и уселась напротив. Некоторое время мы ели молча. Малфи косился на Костяшкина, который мельтешил у его плеча.

– Чего ты над душой стоишь? – не выдержал некромант.

Скелет не шелохнулся. Только тьма в глазницах задвигалась – вопросительно, с намеком: я на посту, владыка.

– Это я его повысила, – объяснила я. – До дворецкого. Он будет следить за порядком в замке и докладывать мне обо всем.

Брови Малфи сошлись к переносице.

– Чего это ты моими умертвиями распоряжаешься?!

Я отложила ложку и посмотрела на него с укоризной.

– Нельзя так с подчиненными. У каждого есть способности, и их надо развивать. Костяшкин вон какой ответственный, всё знает, всем помогает. Если бы ты его вовремя повысил, он бы еще лучше работал. А то стоит себе в коридоре годами, и никакого признания.

– Я сейчас заплачу от умиления, – процедил Малфи. – Прямо не знаю, как я раньше без тебя со своими приспешниками не разобрался.

– Ну вот, – я развела руками, – замечательно, что у тебя появилась я!

Он доел суп, отодвинул тарелку и уставился на меня с подозрительным прищуром. Я уже научилась различать оттенки его хмурости: эта была не задумчивая. Скорее, сердитая.

– Ты по-прежнему хочешь быть моей помощницей? – осведомился Малфи.

– Да! – выпалила я, едва не подпрыгнув на стуле. – Конечно, да!

– Отлично. Мне как раз нужна помощь с бумагами.

О-о-о… Бумаги – это же моя стихия! Рассортировать, наклеить цветные квадратики, разложить по стопкам… Я предвкушала, как приведу в порядок счета и жалобы, а заодно заново украшу его кабинет.

– Ой, я мигом! – Я радостно поднялась. – Письма разобрать?

– Нет, – огорошил Малфи. – Не совсем. Я принесу тебе бумаги в комнату. Иди туда и жди.

Он вышел из столовой, рыкнув на Костяшкина: «А ты не смей за мной ходить». Я пожала плечами и поспешила к себе. Наверное, Малфи хочет, чтобы я работала в тишине и покое, а не в его присутствии. Это даже мило – он заботится о моем комфорте!

В своей комнате я поправила занавески, смахнула несуществующую пыль с подоконника и уселась на кресло перед туалетным столиком, сложив руки перед собой, как примерная ученица. Предвкушение бурлило во мне пузырьками – сейчас мы будем разбирать важные некромантские документы, и я освобожу для Малфи время, чтобы он больше спал!

Дверь отворилась, на пороге возник некромант. В руках держал огромную кипу бумаг – учетные книги в потертых переплетах, свитки с гербовыми печатями и пухлые папки, перевязанные бечевкой. За ним семенил Кроха, сгибаясь под тяжестью второй такой же кипы.

– Ого, – сказала я без прежнего энтузиазма. – Сколько всего…

– Пустяки, – отозвался Малфи. – Несколько отчетов для королевской канцелярии. Я их слегка просрочил – на год, может, на два. Но, когда у меня появилась такая замечательная помощница, все долги будут закрыты в кратчайшие сроки.

Он сгрузил бумаги на мой туалетный столик, который в мгновение ока превратился в письменный. Кроха добавил сверху свою кипу и испарился с такой скоростью, будто за ним гнались все вурдалаки королевства.

– Вот здесь, – Малфи раскрыл одну из книг, – учет поднятых умертвий за последние три года. Надо свести в таблицу: дата поднятия, класс сложности, цель воскрешения, текущий статус. Здесь – ритуалы: какие и зачем проведены. Здесь – журнал жалоб от населения с моими резолюциями, его тоже надо систематизировать по категориям. А вот здесь…

Он выкладывал на стол папку за папкой, книгу за книгой, и каждая была толще предыдущей. У меня округлились глаза.

– А вот здесь – финансовая отчетность. Приход, расход, баланс, налоговые вычеты. Справишься?

Я посмотрела на гору бумаг, потом на Малфи. Он улыбался – сдержанно, одними уголками губ, но в его глазах плясали искорки. То ли веселье, то ли торжество, то ли предвкушение.

– Справлюсь, – сказала я, стараясь звучать уверенно. – Я же помощница. А что это – таблица? Что куда сводить?

– Очень просто. – Малфи придвинул ко мне первый свиток. – Вот образец. Видишь столбцы? Дата, наименование, классификация, примечания. Сверяешь с книгами учета, заполняешь по форме. Ничего сложного.

Я вгляделась в образец. Ровные строчки цифр, мелкий почерк, загадочные сокращения вроде «ст. 14 п. 3в» и «кл. С2/У». В Оазисе мы не вели таблиц. Цветы растут сами, пыльца собирается, мед варится – зачем что-то записывать?

– Давай я чуть-чуть попишу и пойду ужин готовить? – предприняла я робкую попытку к бегству.

– Вчерашнее рагу еще осталось, разогреем. – Малфи покачал головой. – Работы много, не хочу тебя отвлекать по пустякам.

Возразить было нечего. Сама напросилась, вот и помогай.

Некромант направился к двери. Осанка идеальная, шаг пружинистый – ни дать ни взять человек, который только что выиграл важное сражение.

– Если будут вопросы – я в кабинете, – бросил он через плечо.

Дверь закрылась, и я осталась одна среди бумажных гор.

Вздохнув, взяла верхний свиток и развернула. Строчки и цифры в учетной книге были мелкие, но я упрямо обмакнула перо в чернила и вывела первую запись.

Я помощница. И я помогу. Даже если помощь выглядит как пятьсот отчетов за последние три года. Особенно если она так и выглядит!

Где-то в коридоре скрипнули шаги – наверное, Костяшкин обходил свои новые дворецкие владения. Я мысленно проводила его завистливым взглядом и уткнулась в книги.

Глава 8

Первые полчаса я выводила буквы, сверялась с образцом, пересчитывала цифры на пальцах (своих, не чужих костяных). Заполнила графы «Дата поднятия» и «Класс сложности». Даже «Текущий статус» осилила – у всех скелетов, включая шиншиллу, значилось «в строю». Дальше были графы «Цель воскрешения» и «Примечания». Вот тут меня настиг творческий кризис.

Что писать в «Цели»? «Мытье полов»? «Варка каши и размахивание половником»? Скукотища смертная. Я представила, как королевский писарь – почему-то лысый и в очках, с чернильным пятном на носу – откладывает свиток в сторону с широким зевком, толком не насладившись чтением.

Нет, так не пойдет. Если уж писать отчет, то такой, чтобы его запомнили!

Я обмакнула перо и написала в графе «Цель» для Костяшкина: *«Обеспечение стратегической координации приспешников и поддержание межскелетной дисциплины»* . Для Глыбы: *«Транспортировка тяжестей и деликатное взаимодействие с хрупкой мебелью»* . Для Бульончика: *«Кулинарное искусство и экспериментальная гастрономия»* .

Увлекшись, начала рисовать на полях. Скелет с половником – это Бульончик. С тряпкой и ведром – Чистяк. С отваливающейся фалангой – ну, тут и думать не надо. Рисовала я старательно, хоть художественных талантов у меня отродясь не водилось: черепа выходили кривоватыми, а кости напоминали растопыренные веточки. Зато трогательно и мило.

Кстати, а чего это в графе «Наименование» они значатся как «умертвие №1», «умертвие №2» и так далее? У них есть имена! Прекрасные, с любовью придуманные, на которые они отзываются. Я решительно вписала: *«Костяшкин (дворецкий)», «Глыба (грузчик)», «Кроха (мастер поручений)», «Бульончик (повар)», «Чистяк (главный специалист по уборке)», «Скрипуля (звуковое сопровождение)», «Вертун (кинетическое искусство)», «Бряк (эксперт по гравитации)».*

Шиншиллу записала как *«Шиша (пушистая почта)»*, лошадей – *«Снежок, Буран и Ветерок (гужевой транспорт)»*.

Получилось солидно, но чего-то не хватало. Я принюхалась к бумаге – пыль и старые чернила, фу. Достав из волос цветок, растерла в пальцах лепестки и посыпала всю кипу пыльцой. Страницы заблагоухали. Гораздо приятнее же!

Я продолжила вписывать умертвий и застыла, водя пальцем по тринадцати строчкам. Хм… Давайте посчитаем.

Шиншилла – раз. Лошадки – три. Костяшкин, Глыба, Кроха, Бульончик, Чистяк, Скрипуля, Вертун и Бряк – восемь.

Что-то не то. Я пересчитала заново. Восемь людских скелетов и одна шиншилла – это девять. Плюс три лошади – двенадцать. А по отчету – тринадцать! Одного я пропустила? Наверное, он прячется. Такой незаметный, что я его ни разу не встретила.

Вот так новость… Где-то в замке бродит еще один скелет. Надо будет непременно его найти. Может, он в подземелье? Или в той запертой комнате? Или затаился в библиотеке между стеллажами и тихонько там рассыпается?

Следом шли отчеты о выполненных заказах. Оказывается, Малфи не просто гонял нежить в округе, а еще и отчитывался за каждого развеянного призрака и упокоенного вурдалака.

«Заказ № 147 от старосты деревни Верхние Мхи: устранить морока, поселившегося в овраге. Статус: выполнен. Примечания: морок оказался с придурью, требовал самогона».

«Заказ № 152 от фермера П.: разобраться с полтергейстом в курятнике. Статус: выполнен. Примечания: куры не пострадали и несутся, полтергейст изгнан».

Кто бы мог подумать, что суровый владыка тьмы тратит столько времени на бумажную волокиту! Спасать людей от нежити – лишь половина дела. Вторая – доказать королевской канцелярии, что ты действительно работал, а не праздно шастал по кладбищам.

Я не заметила, как за окном стемнело. Догорал закат – нежно-розовый, с алыми полосами у горизонта. Светильники в комнате горели тускловато, строчки рябили. Хорошо бы сюда настольную лампу, чтобы не щуриться над бумагами. Маленькую и изящную, с абажуром в цветочек.

Но это потом. Сейчас – ужин!

Вскочив, я размяла затекшие конечности, расправила платье. Вплела в волосы свежий бутон и спустилась на кухню. Бульончик разогревал вчерашнее рагу, плыл умопомрачительный аромат тушеных овощей с травами. Я помогла ему, собрала Малфи пирожки на ночную работу – с зеленью и сыром – и заварила мятный чай во фляге.

Костяшкин руководил сервировкой. Собственноручно поправил салфетку на столе, переставил вазу с цветами на полсантиметра левее и проверил, ровно ли лежат вилки. При виде меня он вытянулся и важно кивнул – мол, всё готово, стол накрыт по высшему разряду.

– Ты незаменим, – шепнула я ему.

Фаланги на его руке дрогнули – кажется, от гордости.

Малфи явился ровно в восемь со своими тарелкой и вилкой, сел за стол. В обычных темной рубашке и штанах, но сегодня же и не праздничный ужин. Вот на его день рождения сделаю праздничный! До него оставалось шесть дней. Во-первых, надо составить меню. Мясной пирог и слоеный торт с кремовыми розами? Во-вторых, украсить столовую по-особенному. Свечи – обязательно. Задувать, загадывая желание. Гирлянды из живых цветов. Или вообще весь замок украсить? Но он уже и так весь украшен, кроме комнаты некроманта и той запертой. Может, переделать его спальню в качестве подарка?..

– Ты сегодня какая-то молчаливая, – заметил Малфи. – Об отчетах думаешь?

– Да-да, конечно, о них, – кивнула я поспешно.

Врать не умела, но правду говорить не стоило. Испорчу же деньрожденный сюрприз.

– Как продвигается работа? – осведомился некромант.

– А? – Я заморгала, собирая мысли в кучу. – Сегодня вряд ли управлюсь, там очень много цифр.

– Ничего страшного, – отозвался он как-то подозрительно покладисто. – У тебя еще завтрашний день впереди.

Что?! Я и завтра буду сидеть над этими бесконечными таблицами?

– Да и вообще, – добавил Малфи, жуя рагу, – времени у тебя до конца месяца. Успеешь.

Три недели отчетов?.. Я вообразила, как сижу в своей комнате под грудой бумаг, пока замок зарастает пылью, скелеты без моего руководства сбиваются с ритма и всё погружается в хаос. Кошмар. Ужас. Катастрофа!

– Управлюсь быстрее, – сказала я твердо, – и ты непременно оценишь мою работу.

– Главное, чтобы в канцелярии оценили, – усмехнулся он.

– Внимание, важный вопрос! – Самое время его задать. – А где еще один твой приспешник?

– В смысле? – Малфи оторвался от тарелки.

– В бумагах указано тринадцать умертвий. Я пересчитала всех – двенадцать. Где тринадцатое?

– Хм. – Он почесал щетинистый подбородок. – Уверена, что правильно посчитала лошадей?

– Уверена! Я их лично отмывала. Три лошади, одна шиншилла, восемь людских скелетов.

– Я уже лет пять не обновлял реестр, мог напутать.

– Это же непорядок! – возмутилась я. – У тебя приспешник потерялся. Ходит где-то, бедолага, неучтенный, никто его не приласкает…

– Скелеты не нуждаются в ласке, – напомнил Малфи.

– Все нуждаются. Особенно скелеты, за которыми никто не следит! Может, убрать его из отчета? Если он всё равно никому не нужен…

– Лучше указать лишнего, чем потерять. В канцелярии знаешь, как не любят расхождения в цифрах? Выписывают штрафы.

Ох, нет! Не надо штрафов. Зачем отдавать деньги канцелярии, когда можно накупить на них новых светильников?

– Впишу его как Безымянного бездельника, – вздохнула я. – Поскольку не видела его, имя дать не могу. Вдруг оно ему не подойдет? В характер не попаду.

Малфи хмыкнул, но комментировать не стал. Мы доели, и он ушел собираться на ночную работу.

Я еще немного посидела над бумагами, но глаза слипались. Цифры тоже – честное слово! Липли друг к другу, будто обнимались гурьбой. Бросив отчетность, я рухнула на кровать. Проснулась рано. В окне разгорался рассвет – нежно-абрикосовое небо с тонкими прожилками облаков. Стоило одеться, как в дверь поскреблись. Костяшкин. Вошел с таким видом, словно родился дворецким – точнее, умер и воскрес в этом качестве. Поклонился и начал доклад. Сперва изобразил, как Малфи крадется в темноте (ночью на работе), потом творит заклинания, затем возвращается домой и падает в кровать.

– Владыка поработал, вернулся и спит, – перевела я. – Довольный?

Костяшкин оттопырил большой палец вверх – мол, да, насколько вообще хозяин может быть доволен. Славно!

Я позавтракала: на скорую руку перехватила бутербродов, запила молоком. И снова уселась за бумаги. Меня ждали финансы.

Учетная книга была исписана вдоль и поперек почерком – строчки прихода и расхода, числа, даты. Ага… Наша казна отнюдь не пуста! Вот оплата за отлов светлячков на городском кладбище – пятьдесят золотых. Вот от герцога Кассия Бурмедора за усмирение носков – пять тысяч золотых. Вот ежемесячное жалование от короны – тысяча двести. А вот расходы: налоги, закупка ингредиентов, содержание замка. И отдельная графа: *«Заказ феи – 5000 золотых. Срочный. С доставкой. Идиотизм».*

Я опешила и перечитала еще раз.

То есть он считает, что новый сервиз – идиотизм? И вазы, и светильники, и изящные свечи, и диванные подушки? Всё, что создает в замке уют и красоту?!

Внутри что-то болезненно сжалось. Старалась-старалась, а мой труд взяли и обозвали нехорошим словом. Хотела ведь как лучше. Чтобы замок перестал быть мрачным, здесь было приятно находиться, а у Малфи поднималось настроение по возвращении домой.

Я опустила перо и уставилась в окно. Там проплывали белые пушистые облака, скелеты во дворе занимались утренней разминкой – Бряк уронил метлу, Вертун наступил на грабли, которые тут же подпрыгнули и стукнули его по черепу.

Что, если Малфи не всем доволен? Может, именно это мешает ему стать до конца счастливым? Мой замечательный план из шести пунктов… Четыре уже вычеркнуты. Некромант высыпается, питается вкусной едой, живет в чистом замке и стал красивее. Не ремонт же мне начинать делать, вряд ли это его обрадует. Значит, чего-то не хватает. Чую какую-то свою недоработку!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.